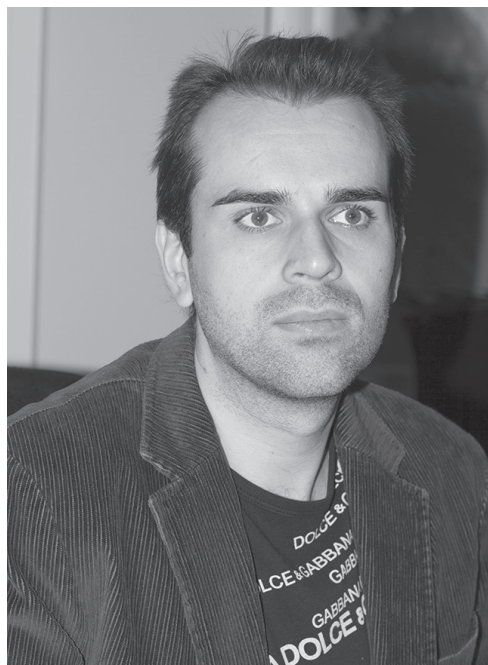

Довгань Алексей Валентинович,
кандидат филологических наук, ведущий
библиограф, Научная библиотека Нацио-
нальной академии руководящих кадров
культуры и искусств.

Довгань Олексій Валентинович,
кандидат філологічних наук, провідний
бібліограф, Наукова бібліотека Націо-
нальної академії керівних кадрів культу-
ри й мистецтв.

Alexey Valentinovich Dovgan,
candidate of philological sciences, senior
bibliographer Scientific Library of the Na-
tional Academy of Culture and Arts.

ДЕКОДИРОВАНИЕ СМЫСЛОВ ТЕКСТА КАК МЕТОД ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности места и роли смысла в контексте текста, а также представлена специфика функционирования последнего на фоне гуманитарной парадигмы. Кроме того, представлено авторское видение перспектив развития анализа текста с позиций вычленения минимального текстового сегмента в нем. Дано авторское понимание языковой полисистемы, в контексте которой последняя выступает не просто формой для информации, но и ее содержанием. Также представлена перспектива исследования, которая состоит в создании потенциально инновационной системы анализа смыслов текста, которая носила бы универсальный характер и была применима в целом ко всему циклу гуманитарных наук: социологии, переводоведении, литературоведении, лингвистике, философии и прочим.

Ключевые слова: смысл, декодирование смысла, социальность смысла.

ДЕКОДУВАННЯ СМИСЛІВ ТЕКСТУ ЯК МЕТОД СУСПІЛЬНО- ІСТОРИЧНОГО АНАЛІЗУ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМИ

Анотація. У статті розглядаються особливості місця і ролі смислу в контексті тексту, а також представлена специфіка функціонування останнього

на фоні гуманітарної парадигми. Окрім того, представлено авторське бачення перспектив розвитку аналізу тексту з позицій виокремлення мінімального текстового сегменту в ній. Подане авторське розуміння мовної полісистеми, в контексті якої остання виступає не просто формою для інформації, але і її змістом. Також представлена перспектива дослідження, яка полягає у створенні потенційно інноваційної системи аналізу смислів тексту, яка носила б універсальний характер і була застосовувана в цілому до всього циклу гуманітарних наук: соціології, перекладознавства, літературознавства, лінгвістики, філософії тощо.

Ключові слова: смисл, декодування смислу, соціальність смислу.

THE DECODING OF SENSE OF THE TEXT AS A SOCIO-HISTORICAL ANALYSIS METHOD: FORMULATION OF THE PROBLEM

Abstract. The article discusses the features of the place and role of sense in the context of the text, as well as presented the specifics of the functioning of the latter against the backdrop of the humanitarian paradigm. In addition, it provided the author's vision of prospects of development of text analysis from the point of isolating a minimum text segment in it. Given the author's understanding of language polysystem, in the context of which the latter appears not just a form for information, but also its content. Perspective of the research is also presented, which is to create a potentially innovative sense of the text analysis system that would bore a universal character and has been applied in general to the whole cycle of human sciences: sociology, translation studies, literary criticism, linguistics, philosophy, and others.

Keywords: sense, decoding of the sense, sociality of the sense.

Постановка проблеми. *Информация* — неизменный атрибут человеческой *экзистенции* (уникального и непосредственного существования, переживания и прочего индивидуума). При этом взаимодействие информации и материи, информации и сознания является данностью *коэволюции* (совместной эволюции биологических видов, которые взаимодействуют в экосистеме) природы и человека [3, с. 94]. Таким образом, можно сказать, что информация, в какой-то мере, *лимитирует* не только саму личность, но и все сферы ее

(личности) жизни, в том числе и *социальную*. Так, позиционируя себя как представитель определенного сообщества (республиканец, слесарь, левша, аутист, сладкоежка и так далее), личность не только *номинарует себя некой языковой единицей*, попадая в зависимость от тех рамок, контекста, в пределах которых, собственно, начинает функционировать, но и соотносит себя с ними, отсекая все, что не укладывается в них. С одной стороны, это способствует кооперации отдельных организмов в сообщество, создавая более выгод-

ные условия для их выживания. С другой — разрушает идентичность отдельной особи в пользу выживания сообщества, то есть выживает вид, но не личность.

Понятно, что предыдущий тезис носит максималистский характер, но он довольно точно передает ту корневую, определяющую роль, которую несет информация не только в наши дни, но и в прошлом для человечества. Наверное, именно поэтому в человеческом сообществе социальную эволюцию и социальную иерархию изначально можно было коррелировать с информационной составляющей [3, с. 94], которая, пусть ситуативно, может позиционироваться как основополагающая.

Отметим, что такая постановка вопроса, естественно, приводит нас к проблеме формы выражения этой информации — собственно, семиотической полисистеме, т. е. *языку*. При этом последний выступает не просто *формой информации*, но и частично ее *содержанием* — *смыслом*. Тут имеется в виду не только *магическая функция языка*, но и, собственно, специфика реальности, воспринимаемой индивидуумом, а именно — ее *языковая* подоплека. При этом язык можно рассматривать как подобие стекла, имеющего особенности своего искажения, последнее происходит при отображении “стеклом”, через посредничество понятийного и лексического фонда и других языков, реальности. Однако такое “стекло”, по вполне понятным причинам, не только отображает онтологическую реальность, но и искажает ее.

Тут можно говорить о глобальной подмене онтологической языко-

вой реальности, поскольку человек мыслит не предметами, а именами. Поэтому не удивительно, что эксперименты по изучению *многоуровневой иерархической структуры смыслового содержания* звучащего и письменного текстов ориентированы большей частью на поиск путей формализации и моделирования когнитивного механизма *декодирования смысла высказывания*, обусловленного спецификой иерархии эксплицитной и имплицитной составляющей речевого континуума [6, с. 150–151]. Последний, таким образом, можно рассматривать как некое пространство, звучащее после звучания одного звена смысловой цепочки до того, как прозвучит следующее. Говоря метафорически, это пустота, которая лежит между падающими в лесу снежинками, которые сыплются с серого неба: поскольку пространство заполнено не только снежинками в таком случае (единицей), но и их отсутствием (нулем). При этом очень важно понимать последнее, поскольку в музыкальной композиции тишина, хоть и не является звуком по сути, но играет равную с ним роль, представляясь элементом целостной структуры музыкального полотна в виде паузы. Подобно этому смысловая цепочка не имеет вид монолита, скорее она пористая: каждая ее “пора” представляется в виде фрактала, ветвится, проникая через слои (социальный, лингвистический, психологический и прочие).

В таком контексте любой текст можно представить в виде *внутреннего сопряжения гетерогенных (разнородных) сущностей* — семиотическим продуктом автора и вну-

тренного мира реципиента [2, с. 391] (читателя). Так, в дзен-буддизме форма любого объекта зависит от *внутреннего содержания* созерцателя, т. е. постулируется, что реципиент *воссоздает свое видение реальности посредством языка* — языковой картины мира, усваиваемой практически с самого рождения. Таким образом, “паузой” в нем можно воспринимать воссозданную смысловую структуру, в призме которой происходит декодирование содержания.

Таким образом, можно постулировать, что *репрезентативная функция художественного текста* — внешней оболочки художественного дискурса — сопряжена с *функцией трансформации в сознании реципиента*. Если рассматривать текст в качестве двустороннего процесса — создания и трансляции вместе с реорганизацией имеющейся у субъекта восприятия информации, то необходимо отметить, что исследуемый объект эксплицируется в качестве утилизированной единицы (преобразования имеющихся знаний в новые) [1, с. 39]. Упомянутая экспликация происходит под влиянием устоявшейся в сознании “операционной системы” — языка, в контексте которой происходит смыслопорождение, смысловосоздание и так далее. Таким образом, именно номинацию, семантику и прочее необходимо воспринимать как вехи распознавания (декодирования) вложенных в текст смыслов.

Анализ последних исследований и публикаций. Естественно, что проблема соотношения таких языковых категорий, как “текст” —

“затекст” — “подтекст”, в лингвистической (как и в других — прим. *Авт.*) науке обозначена, но не разрешена. “Подтекст”, являясь важным текстовым уровнем, не приобрел необходимой для изучения художественной речи однозначности [7, с. 148]. Именно поэтому автор считает ключом к решению упомянутой проблемы межпредметный подход, позволяющий охватить все аспекты упомянутой задачи. Так, для исследования смыслов текста основополагающими являются работы таких ученых из разных сфер, среди которых можно назвать: Е. Василишину, М. Веббера, Д. Винсент, Г. Гиддинс, А. Грехова, А. Дугина, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Ф. Знанецкого, Ф. Зомбарт, А. Кузнецову, К. Леви-Стросса, К. Маркса, Дж. Г. Мида, М. Мосс, Т. Парсонс, Р. Потапова, П. Рикер, С. Сермягина, А. Смолл, П. Сорокина, Г. Спенсер, У. Томас, Ф. Теннис, Г. Ярмоленко и др.

Формулирование целей статьи (постановка задания). *Целью* статьи является рассмотрение особенностей декодирования смыслов текста. *Предметом* — специфика функционирования смыслов в тексте как составляющих его природы.

Изложение основного материала. Язык, призванный явно выражать (эксплицировать) наши мысли, всегда опирается на нечто имплицитное, явно не выражаемое. Это относится и к отдельному слову, и к тексту в целом. Любая фраза понимается только при наличии многочисленных молчаливых допущений или пресуппозиций [6, с. 156]. Понятно, что интерпретация любой произвольной фразы у говоряще-

го и слушателя (автора и читателя) может иметь отличия, порой весьма существенные. Последнее довольно сильно противоречит самой природе языка как универсальной обобщенной платформы, обеспечивающей относительно стабильный процесс понимания. Таким образом, языковое сознание (языковая картина мира и прочее) представляется формой, призванной идентифицировать не столько конкретные элементы смысловых цепочек, как и сами смысловые цепочки в частности, сколько их обобщенные, лишённые глубоко индивидуального налета смысловые модели. Такое положение дел, как ни странно, практически не сказывается на уровне взаимопонимания людей, потому как для повседневного общения, как правило, использование абстракций, мыслительных экспериментов и прочего не является распространённым, а значит — превалирует конкретизированная система координат, в которой имя и предмет практически не имеют свободы интерпретирования.

В этом свете проблема понимания смысла/смыслов текста представляется одновременно более и менее сложной. С одной стороны, мы можем выстроить определенную автоматическую систему, аккумулирующую языковые единицы вместе со всем богатством их значения, т. е. фактически создать базу данных с фондом слов, похожих на словарь, но рассчитывать на адекватность автоматизированного анализа, проведенного по такой программе, не приходится, потому как существует ввелингвистическое окружение,

контекст и прочее, и, к сожалению, оно не будет учтено, а значит полноценного воссоздания смысловых систем не произойдет. С другой — системы анализа смыслов текста уже существуют, но они, как правило, не автоматизированные, а “ручные”. Так, программа, проверяющая уникальность текстов не работает со смыслами, скорее — со статистическими моментами частотности появления языковых конструкций: именно поэтому она столь эффективна, потому что принцип ее работы так прост.

Понятно, что *декодирование* — процесс, обратный кодированию, представляющий собой трансляцию текста на язык реципиента. Данный процесс во многом предопределен субъективным восприятием, способностью реципиента распознавать, анализировать и интерпретировать коды [2, с. 393], заложенные в тексте. Однако этим все не исчерпывается: на наш взгляд, следует говорить о *смысловой интерференции*, которая происходит при наложении двух и более сознаний, взаимодействующих посредством языковой полисистемы. Так, автор, создавая текст, выстраивает самобытную систему смысловых звеньев, при интерпретировании которых другой личностью (читателем) часть из них остается неактивной.

Последнее можно объяснить тем, что носители языка, интерпретирующие смысловое содержание текста, опираются на когнитивный механизм, построенный по принципу многократного “челночного” пробегания от смысла к его воплощению на каждом уровне языковой иерар-

хии: от фонетического до дискурсно-го. Процесс смыслового развертывания содержания текста предстает перед нами как двусторонний процесс “говорения” и “слушания”, т. е. действия и контроля в кибернетическом понимании этого [6, с. 162]. Несмотря на относительную простоту такого подхода, на наш взгляд, он является крайне эффективным, поскольку его алгоритм в своей основе имеет ряд повторяющихся действий, которые в итоге приведут к позитивному результату. Подобно вору, подбирающему комбинацию к сейфу, этот способ помогает нам найти необходимые смысловые звенья, актуализировав их в процессе интерпретации подтекста.

Определение места подтекста относительно смысловых уровней текстовой структуры представляется важным, так как это дает возможность *осознать границы исследуемого явления*, а, следовательно, и *установить механизм его порождения*, что, в свою очередь, поможет обозначить путь интерпретации текста (или прочтения подтекста) [7, с. 148]. Точнее, инициализировать один из возможных путей его прочтения, наиболее близкий к авторскому, однако не эквивалентный ему.

Весьма показательна в этом плане социология воображения Ж. Дюранта, смысл которой состоит в том, чтобы поместить конструкции классической социологии в более широкий контекст, который позволил бы не только учесть и корректно проинтерпретировать значительно большее число фактов и явлений, чем конвенциональная социология, но и обнаружить дополнительные

измерения самого социалистического подхода, который в такой расширенной и обобщенной версии обнаруживает новые стороны и свойства, неизвестные или игнорируемые доселе [4, с. 83]. Именно она (социология воображения), по нашему мнению, может стать основополагающей при попытке анализа смысла текста посредством создания определенной системы (в данном случае, абсолютно не важно — автоматизированной или ручной). Такая система предполагала бы наличие не только целой цепочки маркеров, анализирующих отдельные звенья смысловых образований, но и “прокручивающих” все возможные варианты опознания (распознавания, узнавания и прочего) не языковой единицы, а именно отдельного смысла — элемента смысловой цепочки. Поскольку последний является корневым для понимания всего текста, в противовес формальной графической представленности символа в текстовой ткани. Однако это невероятно сложно, поскольку текст — *производитель смысла*, “оживающий” только в момент соприкосновения с внутренним миром реципиента [2, с. 391].

Естественно, что чтение представляет собой психолингвистический процесс, в результате которого реципиент соприкасается с индивидуальным ментальным полем автора посредством текста и комбинирует, сжигает, расширяет извлеченную информацию с учетом поставленной цели [1, с. 39]. В контексте изложенного выше, мы можем говорить о подобном психолингвистическом процессе, но главным его отличием

в случае создания системы анализа смысла, является его природа. В первом случае (чтении) речь идет о процессе распознавания чужого смысла индивидуумом, в результате чего часть исходного смысла как бы получает “увечья”, подвергаясь насилию инородного личностного толка. Во втором (системе) — процесс должен носить более искусственный характер, поскольку тут необходимо минимизировать такие “повреждения” смысла, представляя смысл наиболее полно. Если говорить более конкретно, то тут речь идет об имплицитном смысле текста, на который влияют различные компоненты: фоновые знания, ситуативный контекст, собственно форма речевого произведения. Так, в художественном тексте скрытые смыслы употребляются как носители семиотической функции с целью инициирования в человеческом сознании сложного образа [1, с. 40], созданного автором.

Таким образом, как стало понятно выше, наряду с эксплицитными значениями языковые выражения заключают в себе также нечто внутреннее (имплицитное), т. е. определенные смыслы. Речь идет о константных, закреплённых за языковыми единицами узуально в системе языка смыслах-знаниях, сопровождающих эксплицитные значения [6, с. 155]. Закономерно, что эта закреплённость носит в первую очередь социальный характер, поскольку обеспечивает необходимую степень кооперированности индивидуумов, посредством неидеальной графической и семантической системы — языка. Последний, естественно, как мы уже писали, высту-

пает универсальным средством передачи информации. В этом контексте крайне важно понимание, заложенных в тексте информационных битов, которые представляются элементами двоичной системы кодирования (0 и 1).

Интересно, что конституируемая искусством *тройственная конвергенция*, состоящая в нераздельности субъекта, объекта и адресата подразумевает, прежде всего, упомянутую выше *адресность*, т. е. наделение рецептивной функцией воспринимающего субъекта (читателя) [2, с. 391]. Эта переменная (адресность) существенно усложняет процесс декодирования, потому как она лимитирует вложенный в текст смысл, закладывая сочетания когнитивных условий, при которых возможно успешное считывание.

Таким образом, определение фоновых знаний в качестве специфической имплицитной категории не предполагает вынесение данной категории за пределы *языка*. Свойство имплицитности в приложении к фоновым знаниям понимается как нечто константно стоящее в качестве подразумеваемого за языковыми выражениями. И этой константной закреплённостью подразумеваемых (имплицитных) смыслов-знаний обусловлен их специфический языковой статус [6, с. 155].

Специфичной в этом случае выступает и природа текста: так, вербальный текст имеет свои особенности. В частности, с целью перехода коммуникативной ситуации в коммуникативное событие реципиенту текста необходимо войти в *интерсубъективное пространство обще-*

ния [2, с. 391]. В случае же анализа смыслов текста (вербального либо невербального) такое вхождение должно осуществляться довольно специфично, поскольку общение (грубо говоря, серия коммуникативных сессий, природа которых носит социальный характер) включает множество внелингвистических элементов: жесты, интонирование, мимика и прочее, которые с легкостью анализирует слушатель либо исследователь, но не сможет использовать программа.

Выводы из данного исследования и перспективы дальнейших исследований. Смысл текста является внеположенной категорией, анализ которой связан с целой чередой трудностей. Именно поэтому мы наблюдаем открытость, незавершенность дискуссий по этому вопросу (вычленения смыслового сегмента). При этом именно он задает глубину интерпретации текста [7, с. 153].

Кроме того, наличествует проблема разночтений, вариантов интерпретирования текста, в процессе которого происходит привнесение чего-то неизведанного, неповторимого, что заставляет графические символы ожить, сложившись определенным образом в единую систему представления, базирующуюся на социальных детерминантах реципиента. То есть налицо реализация принципа патологии, в рамках которого они действует таким образом: семантический аспект художественного текста по-разному реализуется воспринимающим субъектом и продуцентом текста — собственно автором [1, с. 39–40].

В контексте создания системы анализа смыслов произвольного текста это означает, что, в теории, универсальной может быть потенциально открытая система, включающая в свою структуру всю полифонию семантики отдельной языковой единицы. При этом такая система должна учитывать пространство выбора решений в социальном контексте, а также репрезентировать ориентирование в цепи лингвистического окружения.

Перспектива дальнейших исследований состоит в создании потенциально инновационной системы анализа смыслов текста, которая носила бы универсальный характер и была применима в цикле гуманитарных наук: социологии, переводоведении, литературоведении, лингвистике, философии и прочих.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ —

1. *Василишина Е. Н.* Креация новых смыслов в процессе восприятия имплицитных элементов художественного дискурса / Е. Н. Василишина // Вестн. Самарского гос. ун-та. — 2013. — № 5 (106). — С. 39–43.
2. *Василишина Е. Н.* Субъективные аспекты восприятия художественного дискурса / Е. Н. Василишина // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 6 (43). — С. 391–393.
3. *Грехов А. В.* Квантификационный метод: поиск латентной информации / А. В. Грехов // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 1 (3). — С. 94–100.
4. *Дугин А. Г.* Социология воображения. Введение в структурную социологию / А. Г. Дугин. — М.: Академ. Проект; Трикста, 2010. — 564 с.

5. *Кузнецова А. В.* Дополнительные смысловые нюансы как когнитивный феномен / А. В. Кузнецова // Когниция, коммуникация, дискурс. — 2015. — № 11. — С. 55–67.
6. *Потапова Р. К.* Экспериментальное изучение многоуровневой иерархической структуры смыслового содержания письменных текстов / Р. К. Потапова, В. А. Долинский // Вестн. МГЛУ. — 2012. — Вып. 13 (646). — С. 150–176.
7. *Сермягина С.* Ключевые вопросы методики анализа подтекста художественного произведения / С. Сермягина // Вестн. Кемеровск. гос. ун-та. — 2012. — Т. 4. — № 4. — С. 148–154.
8. *Ярмоленко Г. Г.* Сопоставительный анализ контекстно-вариативного членения оригинала и перевода художественного прозаического текста / Г. Г. Ярмоленко // Наук. вісн. Ізмаїльського держ. гуманітарного ун-ту. — 2008. — Вып. 25. — С. 194–198.